

Айви Репина

Рисуй и люби

18+

Айви Репина

Рисуй и люби

«Автор»

2026

Репина А.

Рисуй и люби / А. Репина — «Автор», 2026

В мире, где талант часто остаётся незамеченным, а амбиции разбиваются о реальность, Агата пытается найти своё место. Она живёт в мастерской на мансардном этаже, пишет портреты и прячет от всех свои самые сокровенные работы - те, что идут от сердца. Её жизнь пересекается с Александром - художником, в котором уживаются два разных человека. Его непредсказуемость ранит и притягивает одновременно. История о страсти, творчестве и выборе между страхом и смелостью.

© Репина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Знакомство с героиней	7
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	21

Айви Репина

Рисуй и люби

Пролог

Она расстелила огромный лист плотной бумаги и начала рисовать. Руки размашисто летали вверх и вниз! Перехватывали попеременно то кисть, то тушь, акрил, маркер! На чистом холсте рождалась новая жизнь, созданная в хаосе её мыслей.

Дни были тяжёлыми: много пар, бессонные ночи из-за книг о художниках, которые она читала взахлёб. Она довела себя. Днём — как робот: прийти на пары, отсидеть. Ночью — горящие глаза.

Всё это напряжение требовало кульминации, выхода! Она не включила музыку, не готовилась, как обычно. Её внутренний порыв не мог ждать! Рьяно рисуя, девушка даже не понимала, что в итоге хочет получить.

Где-то с улицы разносились крики стрижей и детей, играющих на площадке. Но она их не слышала — только шуршанье бумаги, царапанье маркера, шерох угля.

Руки чёрные, и новое льняное платье безвозвратно испачкано. А на бумаге проступали черты неизвестного ей персонажа.

Это был портрет юноши. Кудрявый, с величественными скулами, пухлыми губами. Юный, но в глазах — боль, как у зрелого мужчины.

Последний штрих. Готово! Экстаз! И опустошение. Она легла на нарисованный портрет и только сейчас поняла — как же она устала! Болит всё тело, голова отключается. Последний взгляд в потолок — и... сон.

Глава 1. Знакомство с героиней

Она очнулась от холода. За окном, которое было слегка приоткрыто, стемнело. В комнате стало свежо.

«О, ну зачем ты так с собой поступаешь?» — сказала она про себя, потирая глаза и лоб, потом глянула на ладони — они были в угле.

— Чёрт! — уже вслух произнесла она. А когда поднималась с пола, то увидела, как ужасно испачкала платье.

«Ну что ты за человек такой!?» — пронеслось в голове.

Она встала и посмотрела на портрет, на котором только что лежала:

«Ага... Ну, допустим, красив... по анатомии не идеально, конечно, но сойдёт. А вот в чём же смысл сего произведения? Стоило оно моего платья?»

Ей хотелось разгневаться на себя ещё больше, но не было сил. Она убрала портрет с глаз, сняла платье, бросила его в тряпки и медленно зашагала в ванную.

Её звали Агата. Она была студенткой Института Искусств и Дизайна в одном провинциальном городке.

Поступить в столичный вуз ей не хватило умений и решимости. Но стать известной художницей было её тайным желанием. Она обожала читать биографии творческих людей и критиковала себя за то, что сама мыслит узко, не соответствуя им. У неё нет опыта, хоть сколько-то важного для мирового искусства, нет своего художественного языка. И порой она уходила в апатию, ведь считала, что заявлять о себе надо в юности, а ей (о, ужас!) уже 21 год, и времени остаётся всё меньше и меньше.

Тёплая вода приятно окутала её стройное тело. Шум душа успокаивал. Агата начала смывать краску, наблюдая, как чёрная вода утекает в слив.

У неё была осиная талия, длинная шея, аристократичные ключицы. Но она привыкла, что её не считают красавицей. Небольшой буллинг в школе за внешность оставил в ней след по сей день. Агата недолюбливала свой «большой» нос и слегка прикрытое из-за врождённого птоза веко правого глаза.

Черты её лица были такие необычные, что кто-то называл её очень милой, а кто-то дурнушкой. Но точно было одно — её запоминали. А сама она, несмотря на непринятие некоторых частей тела, могла в тайне от всех часами танцевать перед зеркалом, восхищаясь линиями своих бёдер, пластикой рук, улыбкой и манящими невинными губами. Она умела фотографировать себя красиво и ужасалась случайным снимкам в неудачных ракурсах от подруг.

Выйдя из ванны, Агата обтёрлась полотенцем и посмотрела в запотевшее зеркало. Яркие рыжие волосы заставили её улыбнуться. Недавно она покрасила свой естественный тёмно-русый. Рыжесть ей очень шла и делала её дикой, хоть как-то компенсируя скромность.

Агата родилась в полной семье второй дочерью. Когда её ждали, не было УЗИ, и родители думали, что будет мальчик. Порой она и правда чувствовала себя мальчиком, стремилась быть не хуже пацана для папы. В 16 лет она покинула родительский дом и поехала учиться в вуз в город, где у её семьи имелась квартира, доставшаяся от бабушки. Это была двушка в сталинке на мансардном этаже, большую комнату которой Агата заставила холстами и красками.

О, как ей повезло! У неё была мастерская, где она прятала свои эксперименты с живописью и графикой. Живопись давалась ей непросто. Смешивая краски, она часто получала грязь и снова была недовольна собой. Но было что-то, что она любила, — это рисунки линией, без наброска, без готовой идеи. Как ведёт рука. Этот процесс успокаивал её, и в нём она отчасти касалась того величественного искусства, как ей казалось, что стоит за всеми именами любимых ею мастеров. Это был сокровенный её мир, она боялась критики и не показывала его никому.

В другой небольшой комнатке помещалась только кровать и стеллаж с книгами. Сюда она и пришла после душа, накинув на себя хлопковый светлый халат и налив чай с мятой.

Девушка села и глубоко вздохнула, прощая себя за испорченное платье. В конце концов она любила одежду с изюминкой. Но не очень разбиралась в моде и чаще носила удобные вещи. Выбирая между покупкой новой кофточки и чего-то для творчества, Агата отдавала предпочтение второму. Она экономила те скромные деньги от родителей и редких заказов на портреты, чтобы купить краски, кисти и книги. Могла за день съесть пару бутербродов и не чувствовать голода.

«Надо спать, завтра ещё последняя пара в этом семестре», — подумала она. Задернула шторы, включила торшер. В комнате стало уютно. Взгляд упал на стеллаж с книгами.

Конечно, это были книги об искусстве. Она читала дневники Ван Гога и Гогена, восхищалась сумасшествием Врубеля, эпатажностью Дали и Пикассо. Агата хотела быть на равных с этими художниками и умирала под грузом своей ничтожности, скромности, правильности.

Рука потянулась взять книгу, но сил прожить эту самокритику у неё сегодня не осталось, и девушка передумала.

С улицы доносились звуки проезжающих машин, шелест листвы от ветра. В комнату проникал свежий воздух с запахом цветущих деревьев.

Она легла, укуталась в мягкое одеяло и вскоре уснула.

Глава 2

— Поздравляю с окончанием учебного года! Следующий у вас уже будет дипломный, так что отдохните летом хорошо, — искренне и широко улыбнулась Полина Валерьевна, преподаватель по истории искусства. Только что прозвенел звонок, и она начала собирать книги с учительского стола и раздавать пожелания на каникулы.

День был лёгкий, можно сказать, летний. Май щедро раздавал солнечные лучи, и от этого старые парты нагревались и будто светились. В кабинете студентки весело щебетали, точно птички. Сегодня, в день последней пары, особенно ощущалась радость от предстоящего лета. Но не все девушки были веселы: некоторые выглядели уставшими и не хотели уходить из класса.

— Ох, Полина Валерьевна, у нас же ещё просмотр будет в июне, — заныла Соня. Она сидела за второй партой и лениво подпирала щеку рукой.

— Да, а летом ещё пленэрная практика, — поддержала Алиса, недовольно складывая пенал и тетрадь в сумку. — А Вы говорите — отдыхайте.

— Это же счастье! Девочки, вы такие молодые, у вас нет других хлопот, рисуйте на здоровье! Потом выйдете замуж, нарожаете детей, пелёнки, сопли вот эти все. Не до этого будет вам, скучать будете! А пленэр — это вообще прекрасно, — отмахнулась рукой учитель и потом шутливо добавила: — Ох, молодёжь!

Агата мысленно согласилась с ней, но вслух предпочла промолчать и не вступать в спор с одноклассницами. Только многозначительно глянула в сторону своей лучшей подруги Тани. Та ухмыльнулась в ответ, понимая её раздражение на нытьё Сони и Алисы.

Агата выпалась и от тёплого солнышка, которое пробивалось сквозь пыльные стёкла, была в прекрасном настроении, ей сегодня не хотелось слушать их стенания, как тяжело учиться на художника. Полная сил, она предвкушала, как после пары займётся наконец заданием по композиции, чтобы успеть к просмотру доделать все хвосты. Девушка сложила в небольшой розовый рюкзак ручку, тетрадь и скетч-бук, в котором только что рисовала. Она всегда так делала на лекционных парах: когда руки заняты — голова свободна для новой информации.

— Ах да! Не забудьте про открытие выставки сегодня вечером, — уже уходя, вдруг вспомнила Полина Валерьевна. — Приехал наш земляк, успешно продающий свои абстрактные картины за рубежом. Думаю, будет интересно посмотреть. Может, и у меня получится сегодня туда заскочить. Но если нет, то выставка ещё три недели будет идти. Всё, до свидания! Хорошего вам лета!

Её каблучки застучали по кабинету, фигура скрылась за дверью. Студенты группы, насчитывающей около пятнадцати человек, засобирались активнее, тут же обсуждая новую тему для разговора.

— Что за художник-то?

— Красный какой-то... Фамилия у него такая, хи-хи.

— Фу, абстракция — это всё надуманное, — поморщила нос Соня. — Я не пойду.

— Там ещё дресс-код, нужно платье вечернее.

— Ты нашла платье? — поинтересовалась Таня, когда они вышли из кабинета в коридор. Агата взяла подругу под локоть и пошла поближе, чтобы слышать её лучше на фоне шума перемены.

— Какое платье? — Агата искренне не понимала, о чём вообще речь.

— Ну на открытие выставки. Вечернее платье. Там дресс-код же. Ты говорила, что поищешь, может, выпускное из школы?

— Что? Я только сейчас узнала про выставку.

— Неее, мы же с тобой уже обсуждали её на той неделе. Как ты не помнишь? Видимо, кому-то надо больше отдыхать, — усмехнулась Таня.

Агата действительно не помнила, совсем. Она усиленно перебирала в памяти события последних дней. Но нет.

— Ой, ну ты даёшь. Значит, не пойдёшь?

— Мне наоборот очень интересно. Я хочу пойти. Но вот дресс-код... — Агата опять с сожалением подумала об испорченном вчера новом платье. — У меня на выпускном был костюм. Но он у родителей.

— А я так и знала, — засмеялась Таня, не удивляясь забывчивости подруги. — В общем, пошли сейчас ко мне, дам тебе своё выпускное платье. Я в него чуть-чуть не влезаю. А тебе оно должно быть как раз.

Выйдя из здания, девушки увидели на небе большую грозовую тучу, готовую вот-вот закрыть яркоемайское солнце.

— Побежали, — выкрикнула Таня. И они быстрым шагом пошли к дому в двух кварталах от университета. Подруга на каблуках и в лёгком струящемся платье ловила взгляды прохожих. Агата в своих кедах, обычных джинсах и бежевой футболке подхватила её под локоть и шла широкими шагами рядом.

Таня жила с бабушкой в трёхкомнатной квартире с большим залом и просторной кухней. Агата любила бывать у подруги, они жили неподалёку и часто ходили друг к другу в гости. Бабушка Тани днём работала, поэтому Агата редко её видела.

У Танюши, как её называла бабушка, в комнате стоял большой шкаф с книгами. Там можно было остаться надолго, изучая одно за другим издания о художниках и дизайнерах. При этом соседний отдел шкафа ломился от одежды. Она любила выглядеть стильно и интересно, сама шила то, что не могла найти в магазине. Стиль её не подчинялся никаким классическим законам, Таня умело сочетала вещи «из разных опер», чем всегда удивляла Агату.

Татьяна была немного белой вороной среди художников: её студенческие работы отличались лаконичностью, что свойственнее кафедре дизайна. Из-за этого ей даже занижали оценки, но Танюша не обращала внимания и уверенно продолжала свою линию.

Бабушки Тани дома не было. Первым делом, разувшись, подруга сразу побежала к себе в комнату и достала из платяного шкафа чёрное платье. Она приложила его к себе и покружилась перед Агатой.

— Мм, какова!? — засмеялась она. — И вот ещё серёжки такие я подобрала, глянь.

У девушки был хороший вкус во всём: от выбора носочков до выбора спутника жизни. Она уже давно заводила романы, но не соглашалась на неидеальные отношения и завершала их, пока они не перешли в серьёзную стадию. Таня была увлечена темой отношений и несколько месяцев намекала Агате, что пора бы ей отойти от холста и оглянуться вокруг. Увидеть, как много симпатичных парней, как увлекателен реальный мир.

— Сейчас и тебе платьишко найдём, — она как фея достала с верхней полки пакет, а оттуда — свёрток розовой ткани. Таня развернула его, и перед Агатой засияло вечернее длинное платье на бретелях. Приятный оттенок розового с блёстками сразу понравился ей.

— Меряй, — приказала подруга. И Агата, отвернувшись к стенке, сняла футболку, лифчик и осторожно надела платье. Подруга тут же подскочила и застегнула молнию на спине.

— Это тоже снимай, — указала Таня на джинсы. — Я сейчас зеркало прикачу.

И она убежала в другую комнату за высоким передвижным зеркалом в пол. Ей не терпелось увидеть свой триумф по преображению подружки-дурнушки в красавицу. Она любила Агату и искренне мечтала раскрыть её женственность и привлекательность.

Агата поправляла платье, такое непривычное для неё. Тонкие бретели открывали плечи, делали её беззащитной. Блестящая ткань хоть и была приятной на ощупь, но смотрелась слишком празднично, даже роскошно. Ни разу в жизни Агата такого не носила и не мерила. Платье

не подразумевало никакого лифчика, тем более с поролоном, а Агата их так любила: это был ещё один панцирь, под которым можно скрыть свою привлекательность.

— Ну, смотри, — торжественно сказала Таня, вставшая в дверях с зеркалом. Агата подбежала, и отражение заставило её ахнуть.

Платье село ей прямо по фигуре. И если выпрямить плечи и вытянуть её длинную шею, то Агату можно было бы спутать с какой-нибудь княжной или героиней фильма о Джеймсе Бонде. Она коснулась пальцами открытых ключиц. Девушка не узнавала себя, но это и была она — та, которая жила внутри, которую она никогда не показывала миру.

— Ну красота же! Ещё волосы подобрать в пучок. Выпустить пару прядей по бокам, завить. Серёжки надень свои длинные серебряные.

Подруга быстро смотала ей волосы сзади в култышку и закрепила шпильками из шка-тулки на столе.

— Погляди. Что скажешь?

— Красиво, — закивала Агата. — Непривычно.

— Конечно, непривычно. Но ты привыкай. Туфли есть у тебя?

— Кажется, были. Если ещё не выкинула.

Таня закатила глаза:

— Ну... понятно. Смотри у меня, найди красивые, — она шутливо погрозила пальцем. — Я бы свои дала, но размер не твой.

— У меня были чёрные бархатные на каблуке.

— О, идеально! Должны подойти!

Агата ещё минутку покружилась, любуясь на себя в отражении. Ей было страшно быть красивой, но она пообещала себе отыграть эту роль в этот вечер, выдержать мужское внимание и даже попробовать насладиться.

— Спасибо! — сказала она в итоге с искренней благодарностью, поглаживая платье на себе.

— Дарю! — широко улыбнулась Татьяна. — А теперь я чайник поставлю.

Агата размочила печенье в горячем чае и тут же съела. Она переоделась в свою футболку и джинсы и снова почувствовала себя привычно защищённой. Пока Таня разливала кипяток по чашкам, Агата мысленно удивлялась, что не помнила про выставку абсолютно ничего. «Видно, и правда надо отдыхать», — подумала она и спросила Таню:

— А что за художник-то?

— Его зовут Александр Краснов. Пишет в основном абстрактный экспрессионизм, — Таня поставила пиалу с конфетами. — Угощайся.

— Спасибо! — Агата зашуршала фантиком. — Полина Валерьевна сказала, что он наш земляк. Но я о нём ничего не слышала.

— Да он только вырос здесь, учился где-то зарубежом, как я поняла. И там живёт, — подруга отпила чай и поставила чашку на блюдце. Она пила из красивой белой чайной пары с сердечками.

Девушки помолчали минуту, наслаждаясь ароматным напитком и видом из окна.

— Интересно, как он подаёт абстракцию, что у него её покупают, — нарушила Агата тишину.

— Да, интересно, но вряд ли мы узнаем: он обычно не бывает на своих выставках. Я читала статью на сайте одной пражской галереи, там не было его фото и писали, что он редко показывает себя.

— Страшный, что ли? — хихикнула Агата.

— Ну, я нашла пару фото в интернете, там он издаleка, вроде не страшный, даже наоборот — симпатичный. Но там не понятно... О! Кстати! Я в выходные была на даче, мы

родней собирались у тёти на дне рождения. И моя двоюродная сестра вдруг про эту выставку заговорила. Оказалось, он её одноклассник. А ей двадцать пять лет, значит, и ему двадцать пять всего.

— Совсем молодой. И авторские выставки. И продаёт, — не скрывая зависти, Агата мечтательно посмотрела в потолок. — Эх, вот нам бы так, да?

Девчонки рассмеялись, потом утихли и, держа кружки в руках, обе задумчиво вздохнули.

Они договорились встретиться за десять минут до мероприятия возле входа в выставочный зал. Агата пришла в свою пустую квартиру, в которой всегда пахло масляной краской. На антресоли в коробке она нашла чёрные бархатные туфли на невысоком каблучке, протёрла от пыли и примерила.

— Тяжело будет в них, но ради искусства потерплю, — усмехнулась она. И пошла в спальню, села перед зеркалом и начала делать причёску и макияж. Обычно она не красилась, максимум — ресницы. Но сегодня решила подчеркнуть глаза коричнево-оранжевыми тенями, густо накрасить и завить ресницы. Румянами и хайлайтером она освежила цвет кожи. И в завершении нанесла на губы ало-розовый блеск. Она сжала их и причмокнула:

— Готова, — не зная к чему, произнесла Агата вслух. Надела платье, белый вязаный кардиган, взяла маленькую сумочку-клатч. Напоследок она бросила взгляд в мастерскую, вспоминая, как вчера в это же время в забытьи рисовала огромный портрет. И вышла за дверь.

Глава 3

— Ну и сколько восторженных взглядов ты поймала по дороге? — спросила Таня, увидев свою подругу у входа в выставочный зал.

— Не счи-та-ла, — по слогам ответила Агата, хитро улыбнулась, потом сгорбилась и заныла: — Ох, это всё так... Неудобно.

— Не выдумывай, неудобно только штаны через голову надевать, всё остальное удобно. И ты выглядишь прекрасно, — подбодрила Таня, похлопав её по спине, чтобы подруга выпрямилась.

Они зашли внутрь. При входе работал гардероб, Агата сдала свой кардиган, а Таня — лёгкий пиджак. И, немного осмотрев себя в зеркале, девушки отправились в мир искусства. В лицо пахло смесью духов и дорогого вина. Выставочный зал был просторен: высокие потолки, белые стены, мягкий свет, рояль на пьедестале. Полотна сразу притянули своей единой цветовой гаммой: это была серия работ в охристо-голубых тонах. Посреди большого пространства стояли фальш-стены, на которых тоже размещались картины.

Много красивых людей в костюмах и вечерних платьях смутили Агату. Они все выглядели так дорого и говорили о чём-то важном, держа бокалы. Здесь даже ходили официанты — уровень выставки напоминал сцены из фильмов про бомонд. Дома Агате нравился свой образ. Она считала себя там королевой. Но, увидев на выставке пару десятков роскошных женщин, тут же начала сравнивать себя с другими.

«Зачем я пришла?» — мысль мелькнула, и пальцы невольно сжали сумочку.

— Дыши, — шепнула Таня, заметив волнение подруги. — Мне тоже страшно.

— Страшишно интересно, — выдохнула Агата с улыбкой. Ей стало легче, что рядом близкий человек, который её понимает.

Девушки прошли вперёд, нарочито выпрямившись, и сами же посмеялись над собой. Таня взяла два бокала с подноса, который пронёс мимо официант, и протянула один Агате:

— Для храбрости, — подмигнула подруга.

Вино было холодным. Агата сделала глоток и почувствовала, как дрожь в пальцах начала утихать.

Девушки неторопливо пошли вдоль стен, разглядывая одну за другой картины. Вокруг рояля собрались люди, вскоре куратор — полная женщина в бежевом костюме с восхищённой улыбкой — стала представлять выставку посетителям. Она стояла на невысоком пьедестале рядом с роялем, одной рукой держала микрофон и другой широко жестикулировала, превознося работы Краснова Александра и заслугу выставочного зала. Агата с Таней сочли презентацию чрезмерно пафосной, но слушали ради приличия. Когда слово дали заведующему кафедры Института Искусств и Дизайна, девушки окончательно решили, что ценнее будет продолжить изучение картин, а презентацию слушать фоном.

— Как тебе работы? — поинтересовалась Таня.

— Приятные, — честно ответила Агата. — Смелые.

— Да, — согласилась Таня, — интересно, что всё в одной гамме, но при этом картины разные. У каждой своя энергия, — медленно рассуждала девушка. Она ещё что-то хотела сказать, но вдруг увидела в другом конце зала знакомого и помахала ему рукой. — Агата, я отойду ненадолго, — Татьяна коснулась руки подруги, как бы прося разрешения. И убежала, не объяснив, кого же она встретила.

Конечно, на выставке были ещё знакомые, но Агате не хотелось общения с ними. Лучшее, что она выдумала, оставшись без сопровождения, — это погрузиться в знакомый ей мир, мир творчества.

Её заинтересовало большое полотно на фальш-стене. Девушка приблизилась к картине, чтобы рассмотреть объёмные мазки. В голове Агата представляла, каким инструментом пользовался художник и как наносил эти пастозные линии. О чём он думал? Является ли эта абстракция отображением внутреннего видения автора или это просто умелое сочетание техники и насмотренности? Как понимают эту картину люди, пришедшие на выставку? Неужели вообще в нашем провинциальном городке есть те, кто ценит современное искусство? И кто этот «молодой талантливый художник, наш земляк», почему он сам не презентовал выставку?

Агата приподняла брови и зажмурила глаза, словно отмахиваясь от вороха мыслей. Её рука по-прежнему сжимала ножку бокала с вином. Она пригубила его и стала возвращаться в реальность.

Посетители разбрелись по выставочному залу. Играл рояль, иногда до неё доносился шлейф изысканных духов. Она вздохнула.

И вдруг почувствовала на макушке чей-то взгляд. Боковым зрением она заметила сзади себя чёрную фигуру в нескольких шагах. Какой-то парень стоит, опершись о стену, и сосредоточенно изучает её.

«Да ладно, мне показалось», — подумала Агата и, чтобы подтвердить или опровергнуть свои опасения, слегка повернула голову. Парень действительно смотрел на неё.

«Нет, точно пялится», — мысленно Агата закатила глаза. Ей захотелось уйти, раствориться в толпе. Но что-то внутри заставило её повернуться к незнакомцу. Она сделала глубокий вдох, расправила плечи и посмотрела ему прямо в глаза.

На мгновение она перестала дышать.

Молодой мужчина не отвёл взгляд. Напротив, он словно что-то пытался прочесть в её лице. Он был одет в чёрный бархатный костюм. На ткани, как звёзды на ночном небе, мелко-мелко рассыпались брызги светлой краски — будто он нарочно не стал их отчищать, демонстрируя связь с творчеством. Ноги в классических чёрных ботинках чуть скрещены, в левой руке бокал, а правая — в кармане брюк. Величественные скулы, слегка пухлые губы, зелёные с болотной глубиной глаза — взгляд пронизывал и слегка пугал. По бокам от лица спускались русые кудри.

«Это он... Парень с портрета», — губы Агаты невольно разомкнулись от удивления, пульс участился. Она почувствовала, как по спине пробежал лёгкий холодок от странного мистического совпадения.

Девушка продолжала смотреть ему в глаза. Ей не свойственна была такая смелость. Но сейчас удивление и любопытство пересиливали страх.

Мужчина еле заметно подал корпус вперёд. Агата считала это микродвижение. Оно значило, что парень собирался подойти к ней. Но не успел.

Между ними промелькнули сразу несколько посетителей выставки, все куда-то заторопились. С этой толпой вернулась и Таня, громко выкрикнув:

— Агата! Пойдём, там сейчас сам автор выйти должен.

Подруга схватила её за предплечье и потянула с собой резко, чуть не расплескав вино.

«Эх, выдала моё имя», — досадно подумала Агата, ей хотелось быть с незнакомцем на равных. Она не знает, как его зовут, а он теперь точно услышал, как к ней обратилась подруга. С этой мыслью девушка бросила взгляд в сторону, где стоял парень. Его там уже не было.

Зрители сконцентрировались в центре зала, возбуждённо перешёптываясь в ожидании автора.

— Итак, ещё раз приносим наши извинения за заминку, — произнесла в микрофон куратор выставки. — Спасибо, что проявили терпение и подождали. Давайте же познакомимся с автором этих прекрасных работ. Нашим земляком. Говорят, нет пророка в своём отечестве. Но я думаю, мы уже доказали своим интересом и ожиданием нашему талантливому художнику,

что мы встречаем его искусство с теплом. Александр, выйдите к нам, — она махнула рукой, приглашая кого-то сзади всей толпы. — Встречайте! Александр Краснов!

Этот кто-то начал продвигаться сквозь посетителей. Они расступались и оглядывали его с ног до головы. То тут, то там доносились робкие аплодисменты.

Агата встала на цыпочки в попытках разглядеть виновника выставки. Таня шутила, что сейчас будет явление Христа народу. Девушки засмеялись. Просто уже никто не надеялся увидеть этого художника, опоздавшего на открытие собственной выставки. Агата вспомнила, как Таня говорила, что он не любит показываться публике, предпочитая, чтобы его не узнавали по лицу. Зрители были взбудоражены такой интригой. Вот-вот она раскроется.

Агату ждало новое удивление. На сцену поднялся тот самый парень и развернулся лицом к зрителям. Прожектор подсветил брызги краски на его костюме — они засверкали, действительно как звёзды. Оглядев гостей выставки, он поприветствовал их сдержанной улыбкой и лёгким кивком головы. Гости разразились громкими аплодисментами.

«А-а-а, я только что его видела вон там, я так и знала, что это он. Какой симпатичный», — зашептались женщины. Мужчины смотрели с недоверием.

— Добрый вечер, — заговорил Александр в микрофон, который ему передала куратор. Его голос, глубокий и чуть хриплый, заполнил зал, будто обволакивая каждого слушателя: — Да, Алевтина, вы правы, нет пророка в родном отечестве, только в моём случае это вина пророка. Я покинул свой город детства, уехал учиться в столицу. Закончил Строгановку, потом два года жил в Праге, искал себя, свой стиль, покорял Европу. И вот сейчас, этим летом, я приехал в родной город, чтобы посвятить ему серию работ. Так что да, будем исправлять эту ситуацию, отдавать дань малой родине.

Зал аплодировал. Куратор Алевтина, слегка замешкавшись в поисках второго микрофона, наконец продолжила:

— Дорогой Александр, что ж, мы с нетерпением будем ждать вашу будущую серию работ и, надеюсь, снова проведём здесь выставку, — она с надеждой посмотрела на него. — Мы тут в начале выставки уже очень много рассказывали про вас и ваши картины. Мы гордимся, что наш земляк добился успеха на площадках Европы. Рады, что вы приехали к нам! Сейчас зрители уже имели возможность познакомиться с вашим творчеством, изучить каждую деталь, — она широко развела рукой, ища поддержки публики. — Может, у вас появились вопросы к Александру?

— Да, — из зала тут же поднялась рука.

— Пожалуйста, дайте девушке микрофон.

— Дорогой Александр, — бодро затараторила молодая женщина в красном платье, — очень понравились ваши работы, атмосфера выставки. Отдельное спасибо за дресс-код, — женщина засмеялась, — когда ещё предоставится возможность выгулять вечернее платье и увидеть столько красивых мужчин в костюмах. И женщин тоже... Абстракция всегда очень многозначна, поэтому не считите мой вопрос каким-то дерзким. Это искренний интерес. Эта серия картин, представленная на выставке... о чём она?

Публика закивала, подтверждая, что это им интересно.

— Благодарю за вопрос. Мои картины значат ровно то, что видит в них зритель. Конечно, я сам вкладываю в них свои смыслы, но очень люблю слушать чужие трактовки. Иногда мой взгляд и взгляд зрителя прямо противоположны, а иногда они соединяются во что-то новое. Прежде чем ответить на ваш вопрос, хочу спросить вас: что вы почувствовали, глядя на мои картины?

— Эм, — задумалась женщина, — покой, умиротворение.

— Эти работы были написаны после расставания с девушкой, — перебил её Александр и улыбнулся. Было видно, что такое обманчивое впечатление особенно веселило его.

Вдруг его взгляд на мгновение встретился со взглядом Агаты, улыбка пропала, он сжал губы и нервно смочил их языком. Её сердце снова беспокойно забилося. Она опустила глаза, чувствуя, как щёки заливают румянец.

— Ой, я бы никогда не подумала, — откровенно удивилась дама в красном и кокетливо улыбнулась.

— Да, вы правы, это был уже этап светлой грусти, — уточнил Александр.

Публика восхищённо зашептала, переглядываясь.

— У меня тоже вопрос, разрешите? — поднял руку парень, видно, студент художественного вуза. — Как покорить Европу?

Толпа засмеялась. Все перевели взгляд на Александра. Вопрос успеха и денег был особенно актуален.

— Прекрасный вопрос. И я поспешу вас обрадовать: завтра здесь у нас состоится лекция, даже нет... не лекция, а дружеская беседа, где я поделюсь своим опытом, могу дать совет начинающим художникам. Даже, если хотите, проведу небольшой аудит творческих работ. Подскажу, что усилить, на какую площадку податься. Так что можете принести портфолио.

— Да, — подхватила Алевтина, — мы буквально только что договорились с Александром, о времени лекции сообщим дополнительно в соцсетях. Приходите, приводите знакомых. Думаю, это должна быть очень полезная встреча для нашего подрастающего поколения. Уже никакого дресс-кода не будет, так что не переживайте, — засмеялась она.

Публика одобрительно загудела и захлопала в ладоши.

Они ещё минут десять говорили, люди из толпы задавали вопросы, Александр терпеливо отвечал на них. Агата ушла в свои мысли, медленно допивая бокал вина:

«Расставание с девушкой... Светлая грусть... Он так смотрел на меня... и так похож на парня с портрета. Может, я опять это всё напридумывала? Завтра лекция. Интересная тема. Что, если я покажу ему свои работы? Узнаю его мнение, есть ли у меня шансы».

Вскоре диалог с художником завершился, заиграл рояль, часть людей снова разбрелась по залу, часть обступила молодого автора. Агата с подругой сделали ещё пару кругов по выставке и вышли на улицу.

Снаружи царила вечерняя тишина, стемнело. Повеяло свежестью, запахом мокрого асфальта. Видно, недавно прошёл дождь? В платье стало зябко, Агата накинула кардиган и посмотрела на Таню. Подруга в свете фонаря выглядела иначе — привычнее, реальнее. И она сама почувствовала себя уже не героиней фильма о Бонде, а просто девушкой, возвращающейся домой по обычной знакомой улице.

— Агата, — вдруг кто-то окликнул её сзади.

Подруги обернулись. Перед ними стоял Александр. Тоже какой-то более простой, уже не тот недостижимый богемный художник на пьедестале с микрофоном в руке. Очертания его лица смягчились в рассеянном свете. Брызги краски на костюме, которые в зале казались продуманным штрихом, теперь выглядели как следы работы, а не специальная кастомизация. Вот он, живой, близкий, настоящий, но взгляд по-прежнему оставался глубоким и проницательным.

— Прошу прощения, Агата, я ненароком узнал ваше имя, — он выдержал небольшую паузу, проверяя реакцию. — Приходите завтра, приносите своё портфолио.

Агата не сразу нашлась, что ответить.

— А с чего вы решили, что она художник? — выручила её Таня.

— Ну, ваша подруга так разглядывала мою картину, словно хотела украсть какой-то секрет, — он улыбнулся Тане и перевёл взгляд на Агату. — Придётся?

— Я... Подумаю, — нерешительно произнесла она. На самом деле внутри разливалось тёплое чувство. Он действительно обратил на неё внимание и хочет новой встречи. И она хотела, но пока не могла себе в этом сознаться.

— Я буду ждать, — он протянул руку и легко пожал её ладонь. Прикосновение было коротким, но тёплым. Что-то скользнуло между пальцев — он незаметно оставил ей клочок бумаги.

Агата робко кивнула, не подавая виду подруге, что у неё в руке какое-то послание. Хотя внутри всё затрепетало: что же там? Таня не заметила, но всё равно после ухода Александра заиграла бровями, вопросительно взирая на Агату.

— Это что было?

— Да... Я не знаю... Мы просто рядом стояли у той картины, где ты от меня убежала.

— Угу, рядом стояли они..., — таким тоном Таня говорила, когда показывала ей парней в столовой. Агате всегда было смешно с этого, и она подыграла подруге — многозначительно поводила бровями вверх-вниз, а потом не выдержала и рассмеялась.

Они шли по улице, хохотали, обсуждали выставку и странное знакомство с художником. Их пути разминулись у Вишнёвого сквера.

Оставшись одна, Агата встала под мигающим фонарём и тут же развернула записку от Александра. Десять цифр номера телефона. И ничего больше.

Глава 4

На аудит Агата не пошла. Она плохо чувствовала себя в этот день и никак не могла понять: то ли тело подыгрывает её страху, то ли ему объективно нужен отдых.

С утра до вечера девушка просидела в постели в тёплом махровом халате бордового оттенка с растрёпанной гулькой на голове и смотрела фильмы на ноутбуке. Она слышала за окном звук шин по мокрому асфальту. Запах дождя проникал в комнату. Иногда девушка вставала, доходила до кухни, таскала оттуда чай, снеки, печенье.

До обеда она металась: может, пойти?

«Если не приду, это будет выглядеть глупо, Александр решит, что я испугалась... Ой, ну пусть, что хочет, решает!.. А может, это вообще единственный шанс ещё раз увидеть его. Ну и что, что у меня есть его номер, я ж не дурочка — ему звонить...» — Агата гоняла эти мысли туда-сюда и уставала от самоедства ещё больше. В конце концов её сморил сон. И, проснувшись через час, она разрешила себе остаться дома.

Но любопытство не ушло, она напрасно с ним боролась. Вечером сдалась — в соцсети нашла сообщество выставочного зала, щёлкнула туда — и с радостью обнаружила, что встреча-аудит записана на видео.

Она приготовила попкорн и приступила к просмотру лекции как к увлекательному фильму. Первые минут десять были скучными: шум и мельтешение собирающихся художников, настройка микрофона, установка света. Но вот вышла куратор Алевтина, вместе с ней — Александр. Агата непроизвольно выпрямилась на кровати.

Он был одет в широкие джинсы-варёнки и светло-розовую футболку с графичным принтом. Пока Алевтина здоровалась со всеми, он стоял за ней, что-то набирал в телефоне и временами поглядывал на публику, улыбаясь краешками губ. Агата смотрела как заворожённая; ей хотелось узнать этого парня получше, может, даже прочесть его характер по манере движения и речи. Она не слушала, что говорит куратор. Женщина её даже раздражала, потому что временами совсем загромождала Александра.

Но вот она отошла, к парню подбежала девушка и неловко начала устанавливать микрофон ему на футболку — для хорошего звука в прямом эфире. Саша выпрямился, смахнул волосы назад, убрал телефон в карман джинсов. Девушка замешкалась, и он, пытаясь скрасить ожидание пришедших, посмотрел на публику, заиграл бровями и ухмыльнулся. Кто-то хихикнул.

— Спасибо, — произнёс он, когда микрофон был установлен, — все слышно в записи? — он бросил взгляд в камеру. Агата улыбнулась, будто он посмотрел на неё.

Художник сел в раскладное чёрное кресло, широко расставив ноги. Тут Агата разглядела принт на его футболке — быки Пикассо. От этого узнавания ей стало приятно на душе. И снова она отметила, как Краснов через одежду подчёркивает свою связь с искусством.

— Давайте начнём, — только успел произнести он, и тут Агате пришло сообщение от Тани.

Она поставила видео на паузу.

Таня: Привет. Ну как прошло?

Агата: Что?

Таня: Аудит. Ходила?

Агата: Нет, я сегодня неважно себя чувствую.

Таня: Не ходила??? А я весь день жду, что ты сходишь и потом расскажешь мне, чего он от тебя хотел?

Агата: Эмм... Ну, значит, мы этого не узнаем.

Таня: Эх... А что со здоровьем у тебя? Может, зайти к тебе, принести что-нибудь?

Агата: Да не знаю, просто сил нет, не надо, спасибо, не заходи.

Таня: Понятно. Давай поправляйся.

Агата: Ок. Спасибо. Я сейчас смотрю запись этой встречи, ты видела?

Таня: Нет, а есть запись? Тоже надо посмотреть!

Агата: Давай, сейчас ссылку кину. Проматывай первые минут двадцать — там подготовка.

Агата поделилась ссылкой и сама продолжила просмотр.

Встреча была интересной. Краснов Александр рассказал про свой опыт и принципы, которым следует в создании работ и продвижении. Публика активно реагировала, получился живой диалог.

Агата даже что-то выписала для себя.

— Три грани у вас должно быть: насмотренность, мастерство и смыслы, — Александр загибал пальцы. — Насмотренность даёт видение, что искусство, а что — детское творчество. Мастерство... Отточенное мастерство поможет не упасть в лужу. А смыслы — это то, что продаёт. Вот когда у вас будут эти три момента... можно подумать о продвижении.

Агата хрустнула попкорном. Внутренне она соглашалась со всем, что он говорил. Но как это воплотить на практике — не имела представления и была не уверена, что у неё когда-то получится. Далее художник рассказал про площадки в Европе, куда можно подать работы, что продаётся хорошо, а что — нет.

— Александр, а ведь у вас есть менеджер, я читал, — провокационно спросили из зала.

— Да, — честно ответил художник. Публика разочарованно заохала. Начинающие художники хотели знать опыт продаж в одиночку, потому что сами не могли себе позволить помощника. Александр подождал, когда утихнет эта волна перешёптываний, и продолжил:

— Но первые свои успехи я делал сам. И уверен, что это возможно. Менеджер облегчает, конечно. Всем желаю найти классного арт-дилера, — он широко улыбнулся и расслабленно развалился на спинке стула. — Но будьте готовы, что он может вас корректировать в выборе тем. Может позвонить вечером и сказать, что к утру должна быть готова картина, потому что он только что нашёл классную выставку и приём заявок закрывается завтра. Тут уже сам выбираешь, соглашаться или нет.

— Вы берёте заказы? — поинтересовался парень в синей футболке; он был с Агатиного факультета.

— Раньше брал, но сейчас отказался от этого. Всё равно любая серия — это как сделать заказ самому себе, нужна дисциплина. Иногда приходится писать, даже если нет вдохновения. Просто начинаешь — и оно приходит в процессе.

Чем дольше Агата слушала Александра, тем больше ей нравился ход его мыслей. На минутку она пожалела, что не пошла, но потом Краснов сказал:

— Кто принёс работы, оставайтесь. Посмотрю, дам вам обратную связь. Остальным — спасибо, было приятно видеть всех.

Агата поёжилась и сильнее укуталась в халат. Она представила, как показывает ему свою графику, да ещё и при других. А вдруг он скажет, что это всё «детское творчество»? Она не могла так поступить со своим хрупким миром, который берегла от всех.

Люди на видео заходили, зашумели; несколько молодых парней и девушек выстроились в очередь на аудит.

Александр прошёл взглядом по головам расходящейся публики. Он кого-то искал. Но, не найдя, глубоко вздохнул и посмотрел в камеру.

Агату словно пронзила молния. Она ощутила, будто этот взгляд был адресован лично ей. В комнате внезапно стало тихо, не было слышно шума машин, только еле уловимое гудение ноутбука. Его свет в полутьме освещал Агату. «Может, он искал меня?» — допустила она дерзкую мысль.

Тут в кадр вошла куратор Алевтина и произнесла речь, завершающую прямой эфир.

Агата ещё раз пересмотрела момент, когда художник кого-то искал, резко подскочила, как ошпаренная, и ринулась в мастерскую. Было темно. Девушка включила небольшую настольную лампу с тусклым светом и достала тот большой портрет юноши, нарисованный позавчера.

— Всё-таки похож.

Она приобняла себя за плечи, задумчиво прошла в прихожую, взяла клатч с тумбочки, открыла его. Пальцы в темноте нащупали бумажку с номером телефона. Агата вернулась в мастерскую и, покусывая губу, приклеила этот клочок на обратной стороне портрета юноши.

И подписала маркером: «К. А.».

Глава 5

Следующие две недели Агата посвятила просмотру: она жила в режиме «выжить и сдать». Готовила планшеты, дописывала работы по композиции, оформила холсты в рамы. Днём бегала на итоговые консультации с преподавателями, на быстрые скетчи и этюды с натуры, которые они со студентами организовали сами, чтобы выполнить норму по внеклассным занятиям. Ночью под светом лампы вырисовывала задания по орнаменталистике, слушала рок в наушниках и потом крепко засыпала до 8:30 — на это время был установлен её будильник. Она старалась соблюдать хоть какие-то намёки на дисциплину, чтобы успеть всё.

На просмотр многие студенты пришли после бессонной ночи, Агате удалось вздремнуть целых 5 часов — невиданная роскошь перед сдачей всех работ за семестр. Показ проходил в музейном зале. Она разложила свои листы с рисунком, холсты с живописью, планшеты с композицией, кучу эскизов и живописных набросков — прямо на полу. И вместе с остальными одноклассниками удалилась ждать в аудиторию-мастерскую. Девчонки смеялись, вздыхали, залипали в телефоны, кто-то танцевал, а кто-то пытался спать в ожидании оценок. Таня присела рядом с подругой и устало положила ей голову на плечи. Через некоторое время преподаватели по всем предметам сели перед студентами, чтобы озвучить результаты просмотра.

— Агата Санёва: все пятёрки, кроме живописи, — вынесли вердикт учителя. — Живопись — четыре.

Она выслушала комментарии и довольно вздохнула. Оценки были ожидаемы, ведь её упорство, любовь к искусству и талант сделали её одной из лучших на курсе. А живопись? Цвет не поддавался ей, и она с этим уже смирилась.

Таня улыбнулась, слегка задела локтем сидящую рядом Агату. Она уже знала свои оценки, была тоже ими довольна и сейчас просто радовалась за подругу.

После просмотра студенты, не евшие и не спавшие, пошли отмечать окончание семестра в кафешку. Агата с Таней не стали долго оставаться, сделали пару фото, поели десерт и, попрощавшись со всеми на целое лето, пошли по домам.

Переступив порог, Агата сразу поспешила в спальню и рухнула в кровать, уставшая и счастливая. Она дала себе пару часов на сон, но потом начала прибираться. На следующий день она планировала уехать из города за двести километров, в деревню к тёте, и ей хотелось, чтобы по возвращении в её мастерской уже ничего не напоминало ей о сессии.

«Опять ты», — Агата наткнулась на портрет юноши с подклеенным сзади номером и подписью «К. А.». Снова неприятное чувство выбора промелькнуло в голове. Звонить или нет? Страшно позориться и страшно упустить что-то важное. Агата раздосадовалась, что снова вспомнила про Александра, а ведь учёба и предстоящая поездка уже так хорошо вытеснили его из мыслей.

— Не судьба, — быстро сказала она вслух, чтобы не погрузиться в долгие метания, свернула портрет в рулон, убрала в тубус и спрятала в недрах стеллажа.

На следующий день она уже сидела в автобусе с большим рюкзаком и этюдником. За окном мелькали серые дома, гаражи, заводские постройки; постепенно всё это сменилось полями, перелесками и уютными деревеньками. Воздух в автобусе пах дорожной пылью, железом и чьими-то нерезкими духами. Несмотря на духоту, Агату не раздражал этот запах, напротив — он так отличался от запаха красок и разбавителя, что был для неё обещанием долгожданного отдыха.

Тётин дом стоял в конце улицы, у самого леса. Агата открыла калитку, та протяжно скрипнула. Тузик тут же высунул нос из будки, сонный и ленивый. Подбежал к ней, виляя хвостом, и радостно затыкал. На пороге показалась тётя Маша. Это двоюродная сестра Агаатиной мамы, она всю жизнь живёт в деревне и с удовольствием летом принимает в свой дом

всех городских родственников. Тётя имела лёгкий нрав, крашенные красные волосы, короткую стрижку и плотное телосложение.

— Приехала! — женщина раскрыла руки для объятий. — Привет, привет! Наконец-то! Ой, как соскучились-то мы тут все по нашей художнице!!!

Она оглядела Агату:

— Ой, отощала! Голодная, поди, с дороги-то! Ещё тяжести свои эти таскает, — тётя взяла этюдник и понесла его в дом. Она сняла синие резиновые тапочки у порога, поправила своё летнее приталенное платье в мелкий цветочек и махнула Агате рукой:

— Айда, мы с Лидой утром крошку нарезали.

Лида — дочка тёти Маши, троюродная сестра Агаты, она была почти ровесницей и тоже училась, но в другом городе, на врача. Лида была творческой натурой, любила вышивать, рисовать акварелью, лепить фигурки и всегда с нетерпением ждала приезда Агаты. Девушки хорошо дружили и даже спустя 9 месяцев разлуки встречались так, будто не расставались. Снова могли болтать обо всём, ходить вместе на пленэр, трудиться на сенокосе, рассказывать смешные истории студенчества.

Агата сняла обувь в сенках, там же бросила рюкзак и зашла в дом. Всё было по-старому: белый кружевной палантин на спинке стула, старый будильник на комод, тикающий чуть громче, чем надо, стопка книг на подоконнике. Уютный деревянный гарнитур зелёного цвета на кухне — всё сделано руками дяди Миши, супруга тёти Маши.

— Ты проходи, проходи, чё как чужая-то? — поторопила её тётя. — Лида в магазин ушла, сейчас вернётся и сядем обедать.

Девушка наступила на вязаный из старых футболок половик и ощутила стопой прохладу тени. Окна были открыты, кружевной тюль колыхался от лёгкого ветерка.

«Какой здесь свежий воздух!» — подумала Агата.

На улице кудахтали куры, Тузик всё ещё приветливо потягивал, бегая у забора, будто хвастался соседям: «А у нас гости». Агата села на гнутый венский стул и выдохнула так глубоко, как не выдыхала уже несколько месяцев.

— А-а-а, привет! — Лида залетела на кухню с авоськами. Она выглядела как обычная деревенская девчонка в шортах и майке. Приезжая из города, она снова становилась «своей». Умела всё делать по хозяйству, чем восхищала Агату. Лида торопливо поставила авоськи возле печки и подбежала к сестре.

Девушки обнялись и оглядели друг друга.

— Покрасилась! — заметила Лида.

— А ты подстриглась! Тебе так идёт! — воскликнула Агата.

И понеслись дни деревенского вдохновения. По утрам художница просыпалась от света. Он просачивался сквозь занавески, ложился тёплым прямоугольником на пол. Агата выходила на крыльцо, босиком, потом шагала по утренней росе в огород — нарвать ароматные листья смородины, чтобы заварить чай. За забором — поле, потом лес, потом небо. И тишина.

Они с Лидой пололи и окучивали грядки, собирали ягоды. Потом бегали на речку и загорали. По вечерам вышивали, болтали и пересматривали «Секретные материалы», смеясь над тем, как им было страшно в детстве от этого сериала.

Вскоре на сенокос приехали родители и сестра Агаты — Полина. И ещё семья родственников из другого города, где тоже была ещё одна двоюродная сестра — Ира.

Содержать корову было тяжело, зато у тёти Маши всегда было свежее молоко, домашний сыр, кефир. А сенокос стал ежегодной традицией и поводом для встречи родственников. Покусанные пауками (слепнями), с испаряемыми сеном ногами, они, уставшие, но счастливые, собирались вечером на открытой веранде, жарили шашлыки, играли на гитаре, пели песни и смотрели на звёзды, коих здесь в деревне было так много!

Это было удовольствием — так сплочённо проводить время. Навидаться со всеми, наобниматься с мамой и сестрой, наболтаться с папой. И даже редкие воспитательные замечания мамы не портили девушке настроение.

Каждый день Агата старалась найти хоть немного времени на эскизы. Брала этюдник и уходила в поле, иногда брала с собой сестёр. Рисовала всё, что видела: дальний лес, старый амбар, кота на заборе, лошадей, пасущихся на пригорке, сестёр, загорающих в купальниках рядом с липой, и мужиков в соломенных шляпах с вилами.

Однажды вечером, когда она сидела на лавочке после ужина в одиночестве, ей пришло уведомление в телефоне:

«Привет. Мы виделись на выставке. Надеюсь, ты меня помнишь?»

Агата нажала на уведомление и увидела, что писал ей Краснов Александр с личной страницы.

Она заволновалась, ладошки моментально вспотели. Здесь, в деревне, его сообщение казалось ей словно из другого мира, о котором она уже так хорошо забыла. Он перешёл на «ты». Ей это понравилось. Сообщение пришло 10 минут назад. Она тут же ответила:

— Привет. Да, помню.

Отправила. Потом долго думала: может, ещё что-то написать? Спросить, как дела? «Да это так глупо, — начался внутренний монолог, — как дела? Мы ж не друзья, не знакомые. Разве можно такому далёкому человеку писать "Как дела?" — как ни в чём не бывало?»

Александр начал набирать сообщение. В мессенджере появилось: «Александр Краснов пишет... Пишет... Пишет...» Потом надпись пропала и снова появилась: «Пишет... Пишет...»

Агата заерзала на скамеечке, пытаясь сесть удобнее. То поджала колени, то снова распрямила. Удобно ей сейчас не было никак, и дело не в скамейке и её ногах.

— Я думал, ты придёшь на аудит.

— Я приболела, — ответила она. Чувство вины снова укололо её, хотя она уже почти забыла о том, что не пришла.

— Сейчас как себя чувствуешь?

— Спасибо, хорошо.

Он лайкнул её ответ и замолчал. Тишина длилась всего минуту, но Агате показалась вечностью.

— Как ты меня нашёл? — решила она.

— В этом городе не так много девушек с именем Агата. Особенно твоего возраста.

Агате стало не по себе. Она осознала, что Александр, возможно, посмотрел все её фотографии на стене. Но ничего не поделаешь — её страница была открытой. А вот перейдя на его страницу, она не увидела даже аватарки. «Ах, ну да, загадочность никто не отменял», — подумала она.

— У тебя очень красивое имя, — добавил он.

— Спасибо.

Молчание. Агата усиленно думала, как можно продолжить диалог. О чём спросить, о чём рассказать? Но ни один вопрос не казался ей уместным. Потом её осенило:

— А твоя выставка уже закончилась?

— Ещё идёт. Её продлили.

— Как тебе реакция наших местных жителей?

— Шесть полотен купили. Много хороших отзывов, но есть и парочка в духе «я тоже так бы смог».

— Ахахахааа... Ты умеешь продавать. Я смотрела аудит в записи.

— Жаль, что не пришла. Я бы хотел увидеть твои работы. И тебя ещё раз.

Агата несколько раз перечитала «хотел увидеть тебя». Приятное чувство разлилось по всему телу. Она не знала, что ответить. И снова молчание. А потом он написал:

— Извини за нахальство. У тебя, наверно, есть парень.

— Нет, — ответила она и даже улыбнулась сама себе.

— У такой девушки нет парня? Что тут с местными мужиками?

Она поставила смеющийся лайк на его сообщение. Он ответил сразу:

— Может, встретимся? Я готовлю серию работ о нашем городе, хочу походить на пленэры. Тебе, может, тоже нужно этюды и эскизы делать по учёбе?

— А я их делаю. Я в деревне сейчас. И буду тут ещё две недели.

— Понятно. Жаль. Покажешь, что уже нарисовала?

— Завтра могу пофоткать.

Так у них завязалась переписка на тему пленэра. Агата скидывала фото, сделанные с натуры, и потом фото своих эскизов. Александр восхищался её работами, иногда давал советы, иногда просто шутил. Ей нравилось, что он говорит о рисунке как о чём-то важном, не как о хобби. Он понимал изобразительный язык.

Через несколько дней он попросил её телефон и позвонил.

— Привет, — раздался в трубке его голос. Низкий, но не слишком, мягко обволакивающий, с лёгкой улыбкой, которую Агата уже научилась угадывать в его сообщениях. Она поняла, что скучала по этому голосу.

С того дня они стали созваниваться почти каждый день, пока Агата была на пленэре одна. Или вечером — она входила в палисадник, чтобы никто не слышал. Говорили по часу, иногда по два. Обсуждали всё: пленэр, технику рисунка, художников, вспоминали общих знакомых. Агата замечала, что их миры совпадают, они живут в одной вселенной искусства, и никогда ещё ни один парень не мог так интересно поддерживать диалог на интересующие её темы.

Он аккуратно узнавал её: что она любит, чего боится, о чём мечтает. Она — его.

Агата узнала, что он не любит шумные компании. Что в Прагу он попал, устроившись на работу, а по ночам писал картины, выставлялся сначала в барах, при любой возможности показывал свои творения миру и потихоньку пробился в галереи. Познакомился с арт-дилером Кириллом, и сейчас они тесно сотрудничают; Александр называет его менеджером. Она узнала, что сейчас он арендует квартиру и мастерскую, хотя родители звали его пожить с ними. И что он не помнит, когда в последний раз отдыхал по-настоящему.

Она рассказывала ему о своём детстве, о бабушке, о том, что родители поддержали её в выборе профессии. Она говорила, как любит деревню, искусство и запах масляной краски. О том, что мечтает научиться писать так, чтобы её работы можно было узнать с первого взгляда. О том, что боится быть посредственностью.

Он слушал. И иногда говорил: «Я верю, что у тебя получится».

Иногда родители перешёпывались: «Кто там ей звонит?» Спрашивали сестёр, кто такой, давно ли Агата с ним общается. Но сёстры знали не сильно больше и только улыбались с хитрым взглядом: «Парень, похоже, у неё появился».

В одну из ночей, после разговора, она не могла уснуть. Выдвинула ящик тумбочки, достала альбом и карандаш. И, осторожно наступая на половицы, боясь, что они скрипнут и разбудят кого-то, ушла в сенки.

Рыжий кот на коврике приветливо мягнул (мякнул).

— Тссс, — шикнула Агата. Села на лестнице — там, куда из окна падал лунный свет. И, не замечая лёгкой прохлады, начала рисовать. Не поле. Не дом. Не лошадей.

Его.

Она не хотела рисовать его. Но рука сама выводила его скулы, его кудри, его взгляд. Она отложила карандаш и долго смотрела в окно, наблюдая на занавесках тень от яблони. Агата подумала: «Где он сейчас? О чём думает? Я ему правда нужна или просто интересно?»

Она не знала. Она решила, что будет легко относиться к этому общению, не ожидая ничего большего, но это был самообман. Она была юная, неопытная, наивная и не понимала, что уже давно попала в сети его чар.

Через две недели Агата собралась в город. Ей было грустно прощаться с деревней и родственниками. Напоследок она прошлась по огороду, нарвала мяты, собрала ягоды. Вечером после бани они долго общались с Лидой, Ирой и родной сестрой Полиной, пытаясь наболтаться впрок.

Наутро следующего дня Агата загрузила свои этюды в машину к дяде Мише: он ехал по делам в город и вызвался её подвезти.

— Агата, будь осторожна, — мама посмотрела серьёзно, почти сурово. Девушка поняла, что речь о её телефонных разговорах. Подошёл папа и добавил: «Береги себя, звони почаще». Агате стало не по себе, но она понимала, что это забота родителей, они переживают и не совсем доверяют ей из-за её наивности и неопытности.

— Приезжайте в гости, как сможете, — только и смогла она ответить. — Полина, Лида, Ира, вы тоже, — помахала она сёстрам.

Она обнялась со всеми на прощание и села в нагретую на солнце машину. Уезжая, она видела через стекло тревожный взгляд мамы, и ей самой становилось тревожно.

Машина убаюкивающе плыла по сельским дорогам, как по волнам. За окном дорогие сердцу поля, избушки и огороды оставались позади, уменьшались и исчезали в прошлом. Агата долго думала о взгляде мамы и словах папы, ей было страшно. Она чувствовала, будто делает что-то не то, что-то запрещённое. От этих мыслей и мельтешащих пейзажей девушка вскоре уснула. И очнулась, когда они уже подъезжали к городу.

Квартира-мастерская встретила её запахом краски. Она тут же начала танцевать — так ей понравилось её собственное пространство! Так радуются, когда после долгого путешествия возвращаются в родные стены и думают: «В гостях хорошо, а дома лучше!»

Она разобрала вещи, расставила этюды, пересмотрела эскизы. План на лето был почти выполнен. «Можно было бы добавить ещё несколько работ с городом», — подумала Агата и вспомнила про предложение Александра о совместном пленэре.

Но встретиться сейчас опять не было судьбы. Александр уехал по делам в Москву.

— На неделю, — сказал он по телефону. — Может, чуть больше. Я позвоню, как освоюсь.

Они продолжали созваниваться, но реже. Реже, потому что у него были дела, встречи, галереи. А потом и их переписка почти сошла на нет. Он отвечал коротко, иногда с задержкой на несколько часов и даже дней. Агата сначала ждала, потом привыкла, потом перестала проверять телефон.

А потом она заболела.

Температура, слабость, бесконечный сон. Она лежала в постели, пила чай с лимоном и почти не думала о нём. Только иногда, когда просыпалась среди ночи, она вспоминала его голос, и ей становилось тепло и холодно одновременно.